

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Марлиз Штайнерт

РЕЖИМ
ГРОССАДМИРАЛА
ДЕНИЦА

КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНИИ

1945

За линией фронта. Мемуары

Марлиз Штайнерт

**Режим гроссадмирала Дёница.
Капитуляция Германии. 1945**

«Центрполиграф»

УДК 94"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Штайнерт М.

Режим гроссадмирала Дёница. Капитуляция Германии. 1945 /
М. Штайнерт — «Центрполиграф», — (За линией фронта.
Мемуары)

ISBN 978-5-9524-4979-4

К весне 1945 года стало очевидно, что гибель Третьего рейха неминуема. Массы беженцев хлынули с востока на запад Германии. Бомбардировки союзников превращали города в руины и пепел, число жертв среди гражданского населения достигло 600 000. Ситуация внутри страны сложилась катастрофическая. Линии сообщения почти полностью перестали действовать, перевозки грузов упали до минимума, три четверти промышленных мощностей было уничтожено. Повсюду царило разочарование и отчаяние. С момента советского наступления никто в Германии уже не представлял себе, как можно победить или даже мечтать о победе в этой войне... На основе документальных материалов известный военный историк Марлиз Штайнерт анализирует процесс стремительного падения Третьего рейха, действия, надежды и мысли политических и военных лидеров, обслуживающих режим, в котором так странно сочетались уродливый идеализм и непомерные имперские амбиции. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94"1939/45"
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-4979-4

© Штайнерт М.
© Центрполиграф

Содержание

Пролог крушение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марлиз Штайнерт
Режим гроссадмирала Дёница.
Капитуляция Германии. 1945

Серия «За линией фронта. Военная история» выпускается с 2002 года

Marlis G. Steinert
CAPITULATION 1945
THE STORY OF THE DÖNITZ REGIME

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2011

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2011

Пролог крушение

С первых дней 1945 г. войска союзников неумолимо пробивались в Германию с востока и с запада. Германское наступление в Арденнах, начатое 16 декабря 1944 г., затормозилось и остановилось через несколько дней, его пришлось прекратить 28 января. Войска генерала Эйзенхауэра перешли в контрнаступление и перехватили инициативу. В марте американцы, британцы и французы достигли западного берега Рейна на широком фронте: 6 марта был захвачен Кельн; 7 марта американцы переправились через Рейн у Ремагена по единственному уцелевшему мосту; 8 марта они взяли Бонн и Бад-Годесберг; 15 марта 3-я армия США пересекла Мозель у Кобленца; 24 марта 21-я группа армий Монтгомери форсировала Рейн у Везеля, 27 марта генерал Эйзенхауэр объявил, что германские армии на Западе «разбиты».

12 января 1-й Белорусский фронт начал наступательную операцию на Востоке с прорыва у Баранува в направлении Берлина (одна из крупнейших операций Второй мировой войны – Висло-Одерская – действительно началась 12 января 1945 г. «с прорыва у города Баранув-Сандомерски, или, как принято в советской историографии, – с Сандомирского плацдарма, однако нанес этот удар 1-й Украинский фронт И.С. Конева, а 1-й Белорусский Г.К. Жукова вступил в действие двумя днями позже,

действуя с Магнушевского и Пулавского плацдармов, находившихся значительно севернее Сандомирского плацдарма. – *Ред.*). Далее к северу 1-й Прибалтийский фронт вел бои в Курляндии, а 2-й и 3-й Белорусские фронты – в Восточной Пруссии, полностью отрезав ее 4 марта (Восточная Пруссия была отрезана уже 26 января. – *Ред.*). На юге четыре Украинских фронта одновременно продвигались в Силезию, Чехословакию, Венгрию и Австрию. Начался штурм сердцевины того самого «Великого германского рейха», который еще недавно простирался от Атлантики до Волги и от Северной Африки до мыса Нордкап в Норвегии.

Внутри самого рейха ситуация была катастрофической. Линии сообщения почти полностью перестали действовать. В конце января перестали курсировать экспрессы и транзитные поезда; каналы вышли из строя; перевозки грузов упали до минимума. Теперь, когда линия фронта уже проходила по Рейну, богатые запасы бурого угля и имевшие большое значение электростанции, работавшие на нем, были потеряны. В феврале Рур все еще добывал 8100 вагонов угля в день; к середине марта эта величина упала до 2000–3000. Такое падение уже не могло возмещаться добычей в районе Верхней Силезии, поскольку основные шахты уже находились в руках противника. Три четверти производственных мощностей в сталелитейной промышленности и более чем 50 % мощностей в энергетике были уничтожены, производство жидкого горючего упало до 5 % от нормы. 15 марта 1945 г. министр вооружений и военной промышленности Шпеер отметил: «Следует с полной определенностью ожидать окончательного краха немецкой экономики в ближайшие четыре – восемь недель. Никакого производства вооружения нельзя гарантировать, точно так же не смогут работать железные дороги и водный транспорт – за исключением, может быть, оперативных перевозок. После такого крушения продолжать войну невозможно...»

Эту точку зрения повторил 28 марта Дёниц, главнокомандующий военно-морскими силами (кригсмарине). На совещании у фюрера он заявил, что ежедневные поставки угля в объеме 900 тонн могут поддерживаться только для групп армий «Курляндия» (до 26.01.45 называлась «Север») и «Север» (остатки группы армий «Центр», оборонявшиеся на пятачках в Восточной Пруссии, с 26.01 их назвали группой армий «Север». – *Ред.*) для других целей нет более судов, работающих на угле. Это означало сокращение на 50 % транспорта для перевозок войск, раненых и беженцев. 12 апреля он докладывал, что из-за положения с топливом

после 20 апреля уже станут невозможными выходы подводных лодок в море, в течение месяца все поставки и практически все перевозки по морю прекратятся.

Финансовое положение было в такой же степени катастрофическим. 8 февраля Шверин фон Крозиг, министр финансов Третьего рейха (на всем протяжении его существования. – *Ред.*) направил Герингу, Геббельсу, Функу, главе рейхсканцелярии Ламмерсу, главе партийной канцелярии Борману и комиссару по ценообразованию доктору Фишбеку меморандум министерства финансов от 10 января. Из него было видно, что расходы рейха возросли с 63 миллиардов марок за первый год войны до 160 миллиардов на пятом году. На фоне этих растущих затрат поступления непрерывно падали и покрывали только 44 % расходов. Половина военных расходов покрывалась эмиссией бумажных денег; государственный долг, который в первом году войны рос на два с половиной миллиарда в месяц, сейчас увеличивался на семь миллиардов в месяц; он уже составил около 350 миллиардов, и ситуация осложнялась конверсией долгосрочных долгов в краткосрочные. В шестом военном году, по подсчетам министра финансов, расходы должны были достичь 160–180 миллиардов против поступлений в размере 50–60 миллиардов, что означало потребность в кредите в объеме 110–120 миллиардов, а государственный долг достигал примерно 420 миллиардов.

Еще одним фактором был рост денежной массы в обращении; она увеличилась пятикратно за время войны. Самое тревожное заключалось в темпах этого роста: в первый год войны денежная масса увеличилась на 2,1 миллиарда, на пятом году войны – уже на 9,6 миллиарда; за первые же четыре месяца шестого года войны увеличилась не менее чем на 11,5 миллиарда, то есть больше, чем за все первые три года войны, вместе взятые.

Результатом этих инфляционных событий, подчеркнул министр финансов, становится растущая потеря доверия к деньгам. Их место занимают товары, «преимущественно сигареты».

Банкротство рейха перед лицом окончательного военного разгрома было отчетливо видно на массах беженцев, хлынувших потоком на запад Германии с Востока. Доклад от 6 марта показывал, что их количество возросло до 10 миллионов.

Около полутора миллионов беженцев погибли в пути. Жилые дома и общественные здания Германии превращались в обломки и в пепел в результате бомбардировок союзников. Число жертв этих бомбардировок среди гражданского населения достигло 600 тысяч. Повсюду царили разочарование и отчаяние, как из-за сложившейся ситуации, так и из-за требования союзников о безоговорочной капитуляции, к которой Рузвельт по-прежнему склонялся, несмотря на ее многочисленные отрицательные стороны. Своим бескомпромиссным требованием «*delenda est Germania*» («Германия должна быть разрушена». – *Пер.*) союзники представили пропаганде Геббельса новый предлог для ведения тотальной войны; этим они ослабили германское движение сопротивления и усилили военных лидеров в их убеждении, что, поскольку лазейки для компромиссного мира закрываются, не остается иной альтернативы, кроме как продолжать борьбу, хотя и, надо признать, безнадежную – «продать свою жизнь как можно дороже, то есть сражаться столь долго и столь упорно, сколь можно, в надежде истощить врага и тем самым заставить его задуматься о переговорах».

Настроение населения и его страдания отчетливо просматриваются в объемистом отчете III управления (внутренняя СД) РСХА (Главное управление имперской безопасности):

«С начала советского наступления каждый член общества понимает, что мы оказались перед лицом величайшей национальной катастрофы и что это будет иметь самые серьезные последствия для каждой семьи и для каждого гражданина... Население тяжело страдает от терроризирующих бомбежек. Связи между людьми повсеместно разрываются. Десятки тысяч мужчин на фронте не знают, живы ли их родные, жены и дети, и где они...»

«Впервые в этой войне стали заметно ощущаться трудности с продовольствием. Существующих рационов людям не хватает, чтобы наесться. Не хватает картофеля и хлеба».

«С момента советского наступления пораженческие настроения в том общем смысле, в котором это слово сейчас используется, стали повсеместным явлением. Никто не может себе представить, как мы все еще можем победить или даже мечтать о победе в этой войне...»

«Всякое планирование становится невозможным делом...»

«В последние годы германский народ был готов на любые жертвы. Теперь же впервые он начал ощущать усталость и истощение. Люди все еще пытаются уверить себя, что это не конец. До самых недавних пор еще существовали остатки надежды на чудо, которую искусная пропаганда о новом оружии поддерживала с середины 1944 года. В глубине сердца люди все еще надеялись, что, если фронты смогут хоть как-то удержаться, мы могли бы прийти к какому-то политическому решению в этой войне. Но теперь никто не верит, что с нашими нынешними ресурсами и возможностями катастрофы можно избежать. Последняя искра надежды таится в некоем спасении извне, в каком-то совершенно экстраординарном событии, каком-то секретном оружии чудовищной мощности. Но даже эта искра надежды умирает...»

«Многие приходят сейчас к мысли покончить с собой. Спрос на яд, на пистолет или какой-либо иной метод свести счеты с жизнью очень высок. Самоубийство в порыве отчаяния от неизбежности приближающейся катастрофы стало обыденным делом...»

«Вера в руководство последнее время резко упала. Повсюду господствует критика партии, отдельных лидеров и нашей пропаганды». «Не может быть никаких сомнений в настоящей ненависти к врагу. Повсюду явный страх перед Советами. Отношение народа к британцам и американцам – критичное...»

Этот отчет отражает целый спектр реакций на безнадежность ситуации – от дикого принятия желаемого за действительное до черного отчаяния. Предложения и действия ведущих политических и военных кругов в эти последние месяцы и недели, предшествовавшие окончательному крушению, породили подобную разнообразную гамму эмоций, надежд и намерений. Они простирались от планов внутренней политической реорганизации, частично вызванных жадной властью их авторов, через открытые и тайные попытки поисков мира и мечтаний, основанных на невозможных событиях, до фанатических призывов к борьбе до конца, которая ведет только к самоуничтожению.

Примечательной среди внутренних политических мер, нацеленных на концентрацию власти в руках партии, была записка, подготовленная Борманом в марте 1945 г. и озаглавленная «За сохранение руководства НСДАП»; ее конечной целью было восстановление позиций главы партийной канцелярии.

То же можно сказать о плане перестановок в кабинете министров, предложенном Геббельсом в середине февраля. Гитлер должен был остаться главой государства, Геббельс брал на себя функции канцлера и министра иностранных дел, Гиммлер – функции военного министра и главнокомандующего вермахтом, и Борман – функции министра партии. В основном целью здесь было увеличение власти министра пропаганды (Геббельса) и концентрация военных полномочий в руках рейхсфюрера СС (Гиммлера).

Даже внутри СС возникали амбициозные планы. Проект памятной записки от 3 апреля 1945 г., возможно написанный штандартенфюрером (полковником) СС Франке-Грикшем, руководителем отдела кадров в РСХА, был озаглавлен «Движение за свободу в Германии». На первый взгляд ее главные цели состояли во внутренней чистке партии и в налаживании новых внешнеполитических контактов, но это было явным знаком существования оппозиции внутри системы. Предполагаемая чистка должна была освободить партию от «дегенеративной партийной бюрократии и вездесущих продажных партийных бонз, укоренившихся в руковод-

стве государства, партии и партийных организаций, которые обманывали самих себя и других в течение стольких лет», а также от «извращенного негерманского культа фюрера внутри страны и пустого, бессмысленного высокомерия власти во внешней политике». Германский народ было необходимо уберечь от «поворота к устаревшей концепции капитализма, политически активных клерикалов, раскалывающих партию пререканий по поводу парламентской демократии, узкой австрийской, баварской, рейнской и прочей разобщенности, а также коммунистической классовой борьбы, которая разделяет нацию».

А настоящей целью предполагаемых внутривластных перемен было утверждение Гитлера в качестве канцлера наряду с его ролью в качестве фюрера. «Воля народа» должна была выражаться через две палаты: первая – германский «фолькштинг» (народный «штинг» – это собрание древних германских племен), состоящий из районных представителей, избранных тайным всеобщим голосованием; вторая палата, «орденсрат» (совет провинций), должна была избираться с учетом «самых строгих стандартов из кандидатов с проверенными политическими, солдатскими и личными качествами». Правительство должно было нести ответственность перед обеими палатами, гарантируя свободу слова, но и также подавляя подрывную политическую агитацию.

Внешнеполитическая программа включала в себя «мирное урегулирование в Европе» из двенадцати пунктов, самым заметным из которых было создание «Скрепленного клятвой Европейского сообщества», включающего в себя все европейские нации; тем не менее они сохраняли свое автономное существование и право «свободно создавать свои собственные политические организации». Кроме того, предлагалось создание «Европейской арбитражной системы»; долгосрочной целью было добровольное вступление в германский рейх.

Внешне это была идея организовать Европу по «зову крови», какой ее всегда предрекал Гитлер, хотя и смягченная допущением принципа федерализма, но с исключением любых претензий на единоличное лидерство Германии. По сути здесь явно наблюдалось стремление к отказу от принципа диктатуры и попытка вернуться к принципу разделения властей, хотя заметное влияние тоталитаризма все еще сохранялось в принципах формирования второй палаты, а также в призыве к подавлению политической «агитации». Еще более четко это проявилось в отказе от политических партий и парламентской демократии и в критике «политически активных клерикалов и капитализма». Равным образом одной из главных целей была строгая централизация, а идея деления Германии на малые самостоятельные структуры отвергалась.

Что касается внутренних политических изменений, то рейхсминистр и бывший лидер «Стального шлема» Франц Зельдте в своих рассуждениях пошел даже дальше. В беседе с Гиммлером и Шелленбергом, руководителем VI управления РСХА (внешняя СД, разведка за границей) и возглавившим также военную разведку (абвер) с момента ареста адмирала Канариса, Зельдте выразил мнение, что диктаторский характер системы должен быть ликвидирован. На Нюрнбергском процессе Зельдте выдавал себя за давнишнего сторонника двухпалатной системы, и в том разговоре он явно настаивал на разделении законодательной и исполнительной властей, требуя отмены Народного трибунала¹ и проведения выборов для того, чтобы разрушить однопартийную систему и позволить создание других партий. Вечером накануне пятидесяти шестого дня рождения Гитлера Зельдте предложил Шелленбергу заставить Гитлера на следующий день заявить о передаче власти Гиммлеру и введении всех этих мер.

¹ Печально известный Народный трибунал под председательством Фрейслера разбирал дела о «пораженцах» и участниках заговора 20 июля 1944 г. (Примеч. авт.)

Зельдте был не единственным, кто обсуждал изменения во внутренней политике с высшими чинами СС. Для любого, кто замыслил устроить перемены на вершинах власти, не важно, были ли его мотивы моральными, патриотическими или эгоистическими, открывались только две возможности: он должен был заручиться поддержкой либо вермахта, либо СС. Однако после провала попытки переворота 20 июля 1944 г. на вермахт в этом отношении уже нельзя было опираться. Все последующие попытки покончить с Гитлером и его ближайшими советниками требовали содействия СС, а посему носили отпечаток оппозиции изнутри системы. Все они базировались на нерешительности Гиммлера, который, подобно всем другим заговорщикам, не мог заставить себя нарушить клятву верности Гитлеру. Эта верность, глухая к голосу разума, породила много споров, но в германской шкале ценностей того времени это было главенствующим абсолютным фактором, который мог быть искоренен лишь тотальным поражением и долгим процессом переоценки ценностей. Это достаточно очевидно из замечания, сделанного генерал-полковником Йодлем, находившимся в тюрьме: «В эти дни неверность стала моральной доблестью – какая потрясающая смена ценностей!»

Таковы были усилия оказать влияние на исход войны и предотвратить угрожающий коллапс рейха посредством внутренних перемен. Теперь рассмотрим, какие инициативы в отношении внешнеполитического курса страны поступали в эти последние несколько месяцев.

Все планы и предложения исходили из запоздалого осознания того, что Германия проиграла войну в военном отношении и что ее будущее существование зависит от того, примкнет ли она к Западу или к Востоку. В их основе лежала надежда на крах вражеской коалиции, что приведет к полному пересмотру обязательств между союзниками. По многим причинам сторонники западной ориентации имели преобладающее большинство – сыграл свою роль широко распространявшийся столетиями страх перед Востоком, общность ценностей западной цивилизации, а также убеждение, возникшее в имперский период существования Германии, что смертельная борьба между немцем и славянином неизбежна. Гитлер использовал страх перед Востоком для своих целей и маскировал собственные экспансионистские планы теорией неизбежности германославянского конфликта.

Среди западников был и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Еще в 1941 г. он прорабатывал возможности достижения договоренности с Англией. Он пытался воспользоваться не только своими собственными разведывательными каналами и услугами нейтральных посредников, но даже надеялся воспользоваться контактами германского движения Сопротивления. Его усилия натолкнулись на холодный прием со стороны британцев и так и не продвинулись дальше стадии изучения вопроса. Шелленберг, который быстро почувствовал реальный потенциал союзников, еще летом 1942 г. попробовал пойти другим путем. В своих попытках воодушевить рейхсфюрера на продолжение переговоров с Западом он нашел поддержку со стороны Феликса Керстена, финского массажиста Гиммлера. По инициативе Шелленберга и с использованием материала, собранного в его управлении, выпускались так называемые «доклады Эгмонт», в которых давалась яркая картина мощи союзников и ухудшающегося положения Германии; обергруппенфюрер (генерал-полковник) СС Карл Вольф послал Гиммлеру частное письмо. Но все это не подвигло колеблющегося Гиммлера на серьезные поиски путей к миру. Только услышав о срыве Гитлера 22 апреля 1945 г.² и также получив тревожные сообщения о его состоянии здоровья, в которых диктатору отводилось лишь два дня жизни, Гиммлер решил действовать. В ночь с 23 на 24 апреля он обсудил ситуацию со шведом графом Фольке Бернадотом, который приехал в Германию, чтобы организовать перемещение в Швецию норвежских

² Речь идет о провале попытки контрудара по наступающим на Берлин советским войскам и ужасной истерике, устроенной в связи с этим Гитлером. (Примеч. ред.)

и датских заключенных концентрационных лагерей, и разрешил тому передать западным державам предложение мира от его (Гимmlера) имени.

После долгого телефонного разговора между Трумэнном и Черчиллем это предложение было отвергнуто с указанием на то, что британцы и американцы готовы вступить в переговоры только при условии, если параллельные предложения будут сделаны Советскому Союзу.

Де Голль даже не соблаговолит ответить на переданное ему мирное предложение. В нем Гимmlер описывал альянс с Германией как единственную возможность для Франции вернуть себе ее бывшее величие. Англосаксы, говорил он, будут продолжать рассматривать Францию как сателлита, а тем временем Советский Союз будет стараться ниспровергнуть и уничтожить ее.

Затем зондаж по поводу возможности переговоров с западными державами осуществил министр иностранных дел фон Риббентроп. В январе 1945 г. он вместе с Фрицем Гессе, советником (Legationsrat) в министерстве иностранных дел, составил памятную записку, разосланную во все германские дипломатические миссии для передачи западным державам через нейтральных посредников. Она оказалась абсолютно безуспешной, как и авансы, сделанные в Мадриде, и специальные миссии Гессе и фон Шмидена, еще одного высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел.

В памятной записке Риббентроп делал акцент на планах Сталина по завоеванию мирового господства и подчеркивал, что политика в духе плана Моргентау³ играет на руку Советам. Далее он утверждал, что «в день поражения Германии» Англия должна «в своих собственных коренных интересах начать противодействовать Советскому Союзу в Германии всеми своими наличными ресурсами», а любая мысль о том, что германский народ поддержит «неких иммигрантов или членов бывших буржуазных партий в коалиционном правительстве или нечто в этом роде», – всего лишь фантазия. Для Риббентропа национал-социализм все еще представлял единственную силу для поддержания закона и порядка в Германии; если он исчезнет, народ неизбежно окажется жертвой коммунистической пропаганды. А поэтому для Англии дальнейшее сокращение мощи Германии было бы безумием: «сегодня старая английская концепция баланса сил в Европе будет работать против Англии и в пользу Советского Союза». Отсюда следует, что необходимо искать новый баланс – Германия – Европа – Англия – против Советского Союза. Если, однако, Англия откажется осознать, что ее военная политика «оказывает поддержку величайшему врагу будущего Америки», тогда «события пойдут своим ходом... и победа в Европе достанется сильнейшему... и ни в коем случае им не станет Англия или Америка, а будет только Советский Союз».

Когда все эти попытки убедить западные державы в необходимости союза с Германией ни к чему не привели, Риббентроп, похоже, стал вынашивать планы сотрудничества с Россией против Англии, другими словами, нечто совершенно противоположное своей собственной памятной записке. Однако Гитлер, прочитав все это, запретил какие бы то ни было переговоры с зарубежными странами.

То, что просоветские тенденции существовали, доказывает план, датированный 5 апреля 1945 г., озаглавленный «Как избежать катастрофы», происхождение которого остается неясным. Развал фронта на Западе и временная стабилизация на Восточном фронте привели автора к фантастической мысли, что «существуют совершенно необычайные возможности не просто избежать катастрофы, но и сохранить наши огромные шансы на будущее». Ввиду нынешних обстоятельств прошло время, когда «сепаратный мир» с британцами или американцами или «переговоры о перемирии с Востоком, чтобы заставить Запад быть готовым к переговорам», имели смысл. Поэтому, по мнению автора, мирное предложение Советскому Союзу – это единственный шанс сегодня. Сотрудничество с Германией, утверждал он, восстановит

³ Моргентау Г. – секретарь казначейства (министр финансов) США. В 1944 г. выдвинул план послевоенной деиндустриализации Германии и превращения ее в аграрное государство. (Примеч. ред.)

советское влияние по всей Европе и даст СССР свободный проход к Персидскому заливу, нефтяным месторождениям Киркука и к Средиземноморью. Эта новая держава, объединение СССР и Германии, должна представлять собой «социалистический союз», подобный уже существующему союзу шестнадцати советских республик (с 1940 по 1956 г. существовала Карело-Финская ССР, позже снова АССР. – *Ред.*). Европейские народы создадут «национальные самоуправляющиеся государства». Германия признает «советские республики Польши, Литвы, Эстонии, Латвии, Финляндии, Болгарии, Румынии, Македонии, Греции и, возможно, Турции»; однако «Западная Верхняя Силезия вместе с прусскими территориями Вартегау (Западная Польша, включенная в состав фашистской Германии в 1939 г. как одна из ее земель – гау. Несколько раз переименовывалась, чаще упоминается название Вартланд. – *Ред.*) и Западной Пруссии до 1918 года» останутся германскими. Кроме того, Германии должна быть разрешена «свобода действий в Западной и Северной Европе, особенно против Великобритании».

В противовес вышесказанному Шверин фон Крозиг неизменно призывал к контакту с западными державами. Будучи опытным министром-специалистом, он был чужеродной личностью в национал-социалистической системе и вряд ли был вхож в ближайшее окружение Гитлера. Если ему требовалось оказать влияние в пользу кого-либо или чего-либо, ему, как правило, приходилось письменно обращаться за разрешением на аудиенцию. Поскольку его тревога за судьбу своей страны возрастала, он старался сделать больше, чем просто предложить «драконовские антиинфляционные меры» вроде поднятия косвенных налогов на сигареты и увеличение пошлин за почтовые услуги, пользование железными дорогами, общественным транспортом, кинотеатрами, радио, газетами и гостиницами. Между февралем и апрелем 1945 г. он написал не менее шести писем Геббельсу, призывая «действовать по всем возможным направлениям». В особенности он считал безответственным то, что посты посла в таких нейтральных странах, как Испания и Португалия, остаются вакантными. Были потеряны ценные возможности для контактов, говорил он, «просто потому, что предложения по этим вопросам не исходили из ящика письменного стола единственного учреждения, на которое смотрят с благосклонностью». Не являясь католиком, Шверин фон Крозиг рассматривал вмешательство папы римского как один из самых многообещающих шансов: «Папа должен проливать горькие слезы каждый день, видя, что для него существует угроза потери Польши, что за ней последует Франция и что хаос уже царит в Италии под аккомпанемент грохочущего приближения большевиков». Разве не стоит воспользоваться этой ситуацией, вопрошает Шверин фон Крозиг, когда «любое движение в направлении более мягкого обращения с паствой римского папы увеличит его враждебность к большевизму и, возможно, заставит папу раскрыться. Римского папу настолько высоко ценят в большей части британского и американского общества, что любое заявление с его стороны может оказать решающий вклад в результат, которого мы желаем...»

Хотя папа отверг какие-либо предложения по этим направлениям, Шверин фон Крозиг возвращается к этой символической фигуре в следующем письме: «Мы еще до конца не представляем, какое влияние папа имеет в Америке. Хотя протестанты там в большинстве, но они расколоты на бесчисленные секты, в то время как католики составляют прочный блок, в котором голос папы имеет большой вес. По большому счету никакое американское правительство не может проводить политику, которая противоречит взглядам этого объединенного блока». Кроме того, фон Крозиг считал, что против американцев необходимо использовать и экономический аргумент; если им напомнить, каким конкурентом станет Советский Союз, если его поддержит Германия, это обязательно должно произвести эффект.

Шверин фон Крозиг предлагал других посредников вроде Буркхардта, швейцарского историка и комиссара Лиги Наций в Данциге, а также премьер-министра Португалии Салазара. С германской стороны, говорил он, контактными персонами должны стать выдающиеся личности с международной репутацией. Он предлагал бывшего министра иностранных дел фон Нейрата, фон Папена или президента торгово-промышленной палаты Карла Линдемманна. Но

ни Шверин фон Крозиг, ни большинство немцев в то время не осознавали, что эти люди были в равной степени неприемлемы для союзников, рассматривавших их либо как нацистских марионеток, либо как мошенников.

Настойчивость Шверина фон Крозига в поисках путей к миру проистекала из понимания того, что времени терять нельзя, и из «убежденности, что политическая ситуация приведет к расколу «искусственной коалиции наших врагов». Однако он не верил, что это произойдет автоматически, а поэтому призывал к активной политике, «чтобы вызвать этот раскол в то время, когда мы все еще на ногах». Для этого «должна быть создана атмосфера, позволяющая британцам отколоться в нужный момент. Для британцев этот шаг несет с собой величайшие трудности; и они не только внутреннего свойства – ненависти к Германии со стороны большей части лейбористов; их определяют и черты характера ведущих политических деятелей, возможно, не столько Черчилля, сколько Рузвельта. До тех пор пока мы не начнем предпринимать активные шаги, эти трудности могут оказаться сильнее, чем побуждения расколоть альянс и покинуть его».

В ходе беседы 9 апреля Геббельс и Шверин фон Крозиг обнаружили сходство во взглядах по многим вопросам. Геббельс отметил рост разногласий между англо-американцами и русскими. Надо, говорил он, устоять на ногах до того момента, когда произойдет неизбежный разрыв. Он полагал, что это должно случиться в течение трех-четырёх месяцев. Когда Шверин фон Крозиг повторил свое предложение об установлении неофициальных контактов, Геббельс согласился с ним и доверительно сообщил, «что определенные шаги в этом направлении уже сделаны, что первые пробные доклады произвели впечатление, что не следует ожидать категорического отказа ни от американцев, ни, как это ни удивительно, от Советов; с другой стороны, Англия, которой более всего грозит американское и русское превосходство, принимает совершенно негативную позицию...». Геббельс возложил вину за все трудности на министра иностранных дел, которого они оба презирали. К сожалению, Геббельс не мог открыто критиковать Риббентропа перед Гитлером, поскольку последний все еще был убежден, что Геббельс домогается поста министра иностранных дел. Геббельс предложил Шверину фон Крозигу переговорить с фюрером, на что у министра финансов не было никакого желания. У него не было деловых встреч с Гитлером с 1938 г., а отвращение фюрера к финансовым проблемам было хорошо известно. Поскольку к тому же фюрер требовал, чтобы каждый занимался своим прямым делом, было бесполезно просить его о встрече для обсуждения общих политических проблем. В связи с этим Шверин фон Крозиг выразил сожаление по поводу отсутствия поста канцлера или заместителя фюрера, чтобы Гитлера можно было освободить от менее важных дел. Это, как он утверждал, показывает слабость абсолютной диктатуры. Несмотря на возражения Шверина фон Крозига, Геббельс взял на себя организацию встречи с Гитлером, утверждая, что фюрер ценит честность и прямоту министра финансов.

Во время этого разговора Геббельс вспомнил хорошо известный случай, когда он читал Гитлеру хроники Карлейля о Семилетней войне. Когда он упомянул о смерти русской императрицы Елизаветы, в результате которой судьба совершила неожиданный поворот, так называемое «чудо дома Бранденбургов», из глаз Гитлера вдруг потекли слезы.

Дальнейшие предложения Шверина фон Крозига показывают масштабы, в которых он и многие другие все еще были склонны к иллюзиям. Он верил, что у Германии все еще имеются и средства, и возможности для того, чтобы оказывать влияние на членов вражеской коалиции.

Что касается России, фон Крозиг расценивал добровольческие дивизии под командованием русского генерала Власова (взятого в плен и использованного немцами для формирования антирусских боевых соединений) как «одну из самых сильных козырных карт, которые у нас пока есть в нашей колоде, не столько в плане их военной мощи, сколько из-за пропагандистского влияния, которое они, вероятно, могут оказывать на русского солдата, особенно в случае военных неудач большевиков. Русские уже устали от войны; если нельзя будет гаранти-

ровать быстрого победоносного завершения войны и беспрепятственного грабежа и насилия, то брошенный в русские массы магический лозунг «Мир», весьма возможно, станет трубой, под чьим ревом рухнет советский Иерихон...».

Если такому суждено случиться, продолжал он, Германии надо решиться на то, к чему он призывал многие годы, – делать различие между большевизмом и русскими, отменить дискриминационную «восточную бирку» и четко провозгласить свое отношение к будущей небольшой шевистской России. Еще в 1942 г., например, Шверин фон Крозиг в письме Герингу предложил ведение гибкой политики в отношении различных этнических групп в Советской России; в письме Риббентропу 9 декабря 1943 г. он требовал соблюдать различие между большевизмом и Россией и чтобы эта политика была последовательной. Но его призывы, как и попытки некоторых кругов в министерстве иностранных дел, а также в вермахте остались бесплодными, их самым беспощадным образом пресекли люди вроде Эриха Коха, а также чиновники министерства по делам оккупированных территорий Востока. Хотя ответом на предыдущие инициативы Шверина фон Крозига было либо молчание, либо пустые отговорки, поскольку никто из партийных бонз никогда не воспринимал их всерьез, тем не менее весной 1945 г. он продолжал настаивать на выработке более четкого определения германской внешней политики и на поисках любого удобного случая, как бы мал он ни был: «Ялта показала нам, какого рода Европу намереваются установить Британия, Америка и Россия, и мы должны перейти в контратаку. Недостаточно оставаться в обороне в вопросах политики и всего лишь осуждать хаос, в который будет погружена Европа, – это надо делать, но этого недостаточно; нам надо показать миру значительно более четко, чем делалось до сих пор, какой *мы* видим будущую Европу. Если говорить о наших отношениях с националистической Россией, то нельзя бояться, как бы человек вроде генерала Власова не стал сверхсильным и тем самым опасным для нас. Из-за подобных страхов мы уже растратили зря потенциал лучших французов и помощь, которую они могли бы нам оказать, – например, мы потеряли впустую такого человека, как Дорио; и поэтому мы сами отчасти виновны в трагедии Запада...» Говоря о США и Британии, Шверин фон Крозиг заявлял, что пленные офицеры, «которые безупречно вели себя по отношению к нам, должны быть отпущены». Они уже утратили веру в политическую линию, проводимую их собственными государственными деятелями, и должны понимать смертельную опасность для их собственных стран, которым грозит большевистский хаос в Европе»; а посему он бы «отправил их во вражеские лагеря как троянских коней, наполненных опасными *идеями*...».

Однако этим внезапно активизировавшийся Шверин фон Крозиг не ограничился. Он подготовил анализ англо-германских отношений и виновности Англии, что вызвало возражения у Шелленберга и Гимmlера, с которыми он уже в течение многих лет ожесточенно спорил по вопросу о пограничной службе. Шверин фон Крозиг считал, что они оба согласны с ним в его требованиях более активной политики. Однако амбициозный молодой Шелленберг (ему было только 35) не видел перспектив в этом плане, и «не потому, что их не было, но потому что невежественный Риббентроп саботировал любые инициативы, которые не исходили от него, – а те, что подавал он, были бесполезными. Кроме того, нам еще нужно втолковать нашим вождям, что им также придется принести жертвы».

Потом Шелленберг принялся нападать на политику рейха в отношении евреев, утверждая, что «поступать с народом так, как мы поступали с евреями, можно лишь, если этот народ находится под нашей пятой; но в то время, как под нашей властью одна треть евреев, а остальные живут за пределами нашей сферы влияния, наши действия в отношении евреев были хуже, чем просто преступление, это было безрассудство».

Кроме всего прочего, переговоры осложнял и «персональный вопрос», лидеры режима были прокляты за рубежом. Чтобы обелить рейхсфюрера СС в глазах мира, была организована кампания в зарубежной печати, целью которой было убедить общественность в том, что многие

из преступлений, в которых обвиняется Гиммлер, могли быть совершены от его имени, но не были делом его рук.

На встрече Гиммлер добавил к списку лиц, с которыми можно было бы искать контакты, короля Швеции, а также уничижительно отозвался о Риббентропе и заявил, что вряд ли вражеский альянс расколется сам по себе; однако в конечном счете ударился в мистику. Говоря о возможностях достижения понимания с Англией – о трудностях чего он был полностью в курсе дела, Шверин фон Крозиг утверждал, что Германия должна согласиться не только на территориальные жертвы, но и на определенные внутренние перемены. Он намекнул на восстановление института президента рейха и отмену однопартийной системы. В этом плане ход его мыслей был параллелен взглядам Зельдте, с которым он уже обсуждал эти вопросы.

В самых высоких партийных и правительственных кругах процветали интриги, обрели питательную почву самые нелепые надежды и вынашивались нереализуемые планы. Тем временем, однако, оказалось успешным другое предприятие – и так произошло, потому что его конечным результатом было действие, но не на политическом, а на военном уровне. Несколько месяцев генерал СС Карл Фридрих Вольф пытался установить контакт с западными союзниками. В марте 1945 г. в Цюрихе состоялась его встреча с Алленом Даллесом, и после одной или двух новых встреч, 29 апреля в штабе фельдмаршала Александера в Неаполе было подписано соглашение о капитуляции немецких войск в Италии; оно вступило в силу в полдень 2 мая.

Какова же была позиция Гитлера в отношении всего этого спектра действий, варьирувавших от робких надежд и попыток что-то исправить до сдачи в плен в последний момент? Он, должно быть, задолго до этого осознал безвыходность ситуации. Письма от фельдмаршала Роммеля и фон Клюге, меморандум Шпеера и ежедневные доклады о положении дел не оставляли места для сомнений в том, что война как в военном плане, так и экономически была проиграна. Тем не менее Гитлер запретил всякие разговоры о ее прекращении. Он засел в своем бункере под рейхсканцелярией, почти не выбираясь оттуда, и выходил на связь с внешним миром только по радио, телефону да еще с людьми по тщательно контролируемому списку; любому «пораженцу» он грозил смертной казнью. Во всяком докладе о поражениях на фронте фюреру мерещился «генеральский» заговор. В конце января генерал-полковник Гудериан, предпоследний армейский начальник Генерального штаба сухопутных войск, посетил Риббентропа и попросил его принять немедленные меры для завершения войны либо на Востоке, либо на Западе. Риббентроп разговаривать с фюрером отказался, но был ошеломлен, когда Гудериан сказал, что русские могут появиться в Берлине через четыре недели. На военном совещании вскоре после этого Гитлер заявил: «Если начальник Генштаба выдает информацию министру иностранных дел, он виновен в предательстве».

То же самое он высказал и Шпееру. Поэтому согласие фюрера на то, чтобы Риббентроп и Вольф прозондировали Запад, нельзя воспринимать как проявление какого-то желания покончить с войной. Он соглашался на это в надежде на развал вражеской коалиции и при этом колебался, не испытывая внутренней уверенности. В начале года фюрер заявил Риббентропу: «Ничего из этого не выйдет, но если вы настаиваете, можете попробовать». Когда министр иностранных дел 23 апреля задал ему вопрос, что делать в случае капитуляции, Гитлер был еще уклончивей; все, что он сказал, – это «Постарайтесь остаться в хороших отношениях с Британией».

В тот же день Гитлер сказал фельдмаршалу Кейтелю, что какое-то время вел переговоры с Англией через Италию и что вызвал Риббентропа для обсуждения последующих шагов. На самом деле, однако, единственный шаг в этой области был предпринят 23 апреля – и это сделал Шпеер; он призвал Гитлера послать во Францию неких чехословацких промышленников «для того, чтобы, используя их связи с Америкой, они могли вести переговоры ради спасения Чехословакии от большевиков». Инициатива на этот счет исходила от Франка, который плани-

ровал передачу власти национальному антикоммунистическому правительству в Праге, а сам собирался уйти на запад или северо-запад, эвакуировав немецкую администрацию, войска и немецкое этническое меньшинство. Все эти планы, однако, закончились ничем из-за быстроты наступления русских, а также из-за того, что по приказу Эйзенхауэра американцы остановились на линии Будвайз (Ческе-Будеёвице) – Пльзень – Карлсбад (Карлови-Вари).

Таким образом, в завершающие месяцы войны главной целью Гитлера было сохранять каналы связи с противником в надежде, что подтачиваемая противоречиями союзная коалиция развалится на части. Заведомо обреченное на неудачу, наступление в Арденнах стало последней попыткой расколоть фронт стратегического окружения Германии и перехватить инициативу, утраченную с 1942 г. А после этого диктатор просто цеплялся за надежду на чудо. Германия должна держаться любой ценой. Необходимо сражаться до последнего человека и до последнего патрона и всеми мерами, вплоть до самых жестоких, поддерживать моральный дух в войсках и пресекать ослабление воли к сопротивлению. Обладая сверхъестественной силой воли, Гитлер вынуждал свое окружение подчиняться, даже в конце войны, когда физически он был просто развалиной, заставляя их действовать все более жестоко, издавая все более непреклонные приказы.

В случае неожиданного захвата врагом тех или иных районов партийные руководители должны были вступать в вермахт, чтобы избежать ареста союзниками и, таким образом, продолжать оказывать влияние на события. В качестве ответной меры на действия противника германская пропаганда сосредоточилась на военных преступлениях союзников. Предполагалось составить перечень «всех вражеских военных преступников, ответственных за преступления против немецких военнослужащих и их союзников, в том числе находящихся во вражеском плену, и также против немецких и союзных гражданских лиц».

Этот пропагандистский план, похоже, не достиг желаемого эффекта. Например, ВМС, кроме нескольких нарушений международных законов во французских лагерях для военнопленных, смогли сообщить лишь о нескольких случаях неправомерных действий врага. В докладе кригсмарине от 18 февраля 1945 г. сообщается: «Весь этот пропагандистский план был задуман ОКВ как средство против вражеской пропаганды о жестокостях. Все эти обвинения относятся не к инцидентам на море, а к случаям на сухопутных театрах военных действий. Противостоящие флоты мало в чем могут обвинить друг друга, за исключением нескольких неподтвержденных сообщений об обстреле людей с гибнущих судов и об использовании авиацией ложных опознавательных знаков – все это куда меньше, чем то, что происходило на суше».

В начале февраля Кейтель распорядился о принятии жестоких мер против дезертиров и солдат вермахта, «виновных в измене при нахождении во вражеском плену». Они подлежали наказанию военных судов рейха, которые обязаны были докладывать о смертных приговорах рейхсфюреру СС. Если солдата невозможно было найти или преступление было совершено после 15 декабря 1944 г., ответственность несла семья обвиняемого.

15 февраля рейхсминистр юстиции доктор Тирак издал указ, по которому создавались суды упрощенного производства в «районах обороны рейха, находящихся под вражеской угрозой»; в последние дни войны особые суды упрощенного производства были сформированы в городах Зальцбурге, Бад-Райхенхалле, Траунштайне, Розенхайме, Мюнхене и Мурнау; они укомплектовывались одним военным судьей и, если возможно, двумя офицерами и были готовы в любой момент разбираться с «симулянтами и любой формой подрывной или предательской деятельности». Если старшего члена суда было невозможно найти, а по срочным военным причинам казнь не могла быть отложена, эти суды наделялись полномочиями «выносить смертный приговор, основываясь на мнении только одного члена, если факты и юридическая ситуация были ясны». Каждому офицеру предписывалось «передавать симулянтов и предателей ближайшему суду упрощенного производства». В северной части страны планы

предусматривали «суд упрощенного производства на выездных сессиях» под председательством генерала Ойгена Мюллера.

Далее, чтобы повысить потенциал сопротивления, по гитлеровским указаниям были сформированы «резервы фюрера» под командованием генерала Риттера фон Хенгля, начальника армейского «Штаба национал-социалистического руководства». Все второстепенные штабы вермахта были распущены, а освободившиеся таким образом офицеры использовались так, как необходимо. Некоторым из них были выданы свежие документы, чтобы дать возможность действовать в качестве партизан за линией фронта.

Города были объявлены «крепостями»; «весь воинский транспорт и средства связи, индустриальные предприятия и склады снабжения, а также все, что имело ценность внутри рейха и могло каким-то образом использоваться противником сразу же или в обозримом будущем для ведения войны», должно быть уничтожено; Германия должна превратиться в коммуникационную пустыню, а население переместиться в глубь рейха.

В «Специальном сокращенном ситуационном докладе» 27 марта 1945 г. главнокомандующий ВМС (кригсмарине) сообщал: «Мы знаем, что на карту поставлена жизнь нашего народа. Для нас наступающий год будет решающим. Мы не можем терять время... Давайте набросимся с бранью на каждого, кто готов сдаться, кто готов подписаться под дурацкой фразой: «Уже бесполезно...»

Давайте докажем нашим врагам, что уничтожение Германии потребует больше крови и жертв и займет больше времени, чем они намеревались. И тогда им придется отказаться от этой цели. Мы сохраним свое место в Европе, и мы выиграем эту войну...

Давайте обрушим гнев на всякого, кто даже в малейшей степени колеблется в своей верности национал-социалистическому государству и фюреру. Этими людьми может править только страх, трусость и слабость. Мы сильны и верны».

Своему штабу адмирал Дёниц объявил, что в их положении для военных открыт только один путь – выполнять свой долг солдата. Он привел исторические примеры – Гнейзенау в Кольберге в 1807 г., Леттов-Форбека в германской Восточной Африке в 1914–1918 гг. и фон Грауденца – коменданта крепости в 1806 г. Когда французские парламентарии потребовали от него сдачи, утверждая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, потому что Прусского королевства уже нет, фон Грауденц ответил: «Здесь я – король фон Грауденц, ибо я не знаю другого долга, кроме защиты этой крепости».

Чем безнадежнее становилась ситуация, тем настойчивее становились домогательства Дёница: «Мне нет необходимости объяснять вам, что в нашем положении капитуляция равносильна самоубийству, что это верная смерть, что капитуляция подразумевает смерть, уничтожение раньше или позже миллионов немцев и что в сравнении с этим жертвы, которые мы обязаны понести даже в самых жестоких сражениях, – мелочь...»

За этими впечатляющими словами следовала пропаганда в нацистском стиле – гордость и честь, которые никогда не склонятся перед врагом, необходимость в фанатизме в войсках и вера в Адольфа Гитлера. «Как бы ни изменилась ситуация, кригсмарине (ВМС) должны оставаться непоколебимым боевым сообществом. Оно никогда не подчинится вражескому игу!»

1 апреля Мартин Борман, глава партийной канцелярии, издал в такой же степени вдохновляющий призыв к партийным функционерам: «Везде борьба с врагом, вторгшимся в рейх, должна вестись беспощадно и упорно. Гаулейтеры (руководители областей), другие политические руководители и командиры соединений должны сражаться в своих областях и победить либо умереть. Всякий, кто без четкого приказа фюрера покинет свой участок, атакуемый врагом, либо не станет сражаться до последнего дыхания, – подлый трус... и он будет клеймен как дезертир и будет рассматриваться как дезертир. Выше дух, и все слабости будут преодолены. Наш единственный девиз на данный момент: победить или умереть...»

Смерть Рузвельта возродила надежды у Гитлера и его окружения. Даже в таких более реально мыслящих кругах, как штаб ВМС, воспринимали ситуацию со сдержанным оптимизмом. В Военном дневнике ВМС запись от 13 апреля гласит: «Хотя на нынешнем этапе войны вряд ли стоит ожидать немедленных последствий, политические результаты трудно предсказуемы и могут быть далеко идущими...»

Шверин фон Крозиг говорит об этом событии не только как о «приговоре Господнем», но как о «даре Господнем», который надо заслужить, если пожать его плоды полностью; он подчеркивал, что «путь сейчас открыт, и мы должны идти по нему активно и немедленно».

В своем обращении 15 апреля Гитлер объявил, что большевизм столкнется с древней судьбой Азии и истечет кровью прежде, чем дойдет до столицы рейха. «Берлин останется немецким, Вена снова будет германской (13 апреля 1945 г. Вена была взята Красной армией. – Ред.), а Европа никогда не будет русской... В данный момент, когда Судьба убрала с лица земли величайшего военного преступника всех времен, поворотный момент этой войны будет бесспорен».

Но действительность была совсем другой. Уже на следующий день русские перешли в решительное наступление, а «мощная артиллерия», которая, по словам Гитлера, должна встретить их, как выяснилось, существовала только в его воображении. После оперативной паузы ударные группировки маршалов Жукова и Конева – 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты – двинулись вперед на Берлин, сжимая его в клещи. Во время совещания, длившегося с 13:00 до 20:00 22 апреля, Гитлер впервые признал возможность поражения. Он решил остаться в Берлине и разделить судьбу столицы. В тот же день германские войска на Западе под командой фельдмаршала Кессельринга были отброшены во Внутреннюю Тюрингию, а те, что воевали на северо-западе, – в районы к югу от Гамбурга и Эльбы. К югу от Берлина передовые советские части достигли городов Тройенбритцена и Цоссена, непосредственно угрожая центральным армейским складам боеприпасов; к северу от города они вступили в соприкосновение с внешним кольцом обороны.

Днем раньше Гитлер приказал обергруппенфюреру (генералу) СС Феликсу Штайнеру начать широкомасштабное контрнаступление против русских в пригородах Берлина, и сейчас он напрасно ожидал от него новостей. Но, как и все другие приказы Гитлера в эти последние недели и месяцы, этот план был основан на воображаемых, несуществующих резервах. Помимо этого, командные каналы связи были в полном расстройстве, поэтому невозможно было точно знать, какие войска действительно имеются в наличии. Генерал Хейнрици описывает ситуацию следующим образом: «Как ни поразительно это может выглядеть, но в самом деле было почти невозможно выяснить, какие войска были сосредоточены в районе Берлина и в Бранденбург-Мекленбурге. Главная причина – наложение друг на друга каналов связи. Тут и СС, подчинявшиеся только Гиммлеру; тут и Геринг с его люфтваффе, над которыми сухопутные войска не имели власти; здесь и бесчисленные резервные соединения в распоряжении не фронта, а Ютнера, командующего армией резерва, а поэтому косвенно также под началом Гиммлера; возле побережья находились многочисленные подразделения кригсмарине, частично влившиеся в систему обороны, но в большинстве своем все еще подчинявшиеся командованию ВМС; также масса разбитых воинских частей из Восточной и Западной Пруссии, каждый день прибывавших морем в Свинемюнде на расквартирование и дальнейшую передислокацию внутрь страны. Трудно было организовать их учет, поскольку ни СС, ни люфтваффе не давали точных сведений. Каждый старался удержать у себя скрытые резервы, которые смог бы однажды использовать в собственных целях...»

Решение Гитлера лично защищать Берлин увеличило замешательство и способствовало дальнейшему распылению власти.

Когда нависла угроза того, что англо-американские и русские войска могут встретиться в Центральной Германии и тем самым расколоть рейх на две части, первоначальный план

состоял в ведении обороны на позициях северного оборонительного района, включающего в себя Мекленбург, Шлезвиг-Гольштейн, Данию и Норвегию, и на рубежах южного оборонительного района в Богемии (Чехии) и Баварии. Соответственно 11 апреля вышел приказ о создании двух отдельных командных пунктов – для последующей организации штабов «Север» и «Юг»; так как Гитлер все еще отказывался признать факты или говорить о северной и южной зонах, эти штабы были обозначены «А» и «Б». 12 апреля Гитлер согласился с тем, что, если эвакуация Берлина окажется необходимой, главнокомандующий кригсмарине (Дёниц) переберется в северный район. 15 апреля был издан еще более подробный приказ о том, что, если Гитлер окажется в южном районе, гроссадмирал Дёниц с небольшим армейским штабом под командованием генерал-лейтенанта Кинцеля возьмет на себя командование на севере; если же Гитлер окажется на севере, фельдмаршал Кессельринг возьмет на себя командование югом. Верховное командование люфтваффе и рейхсфюрер СС должны быть в курсе решений, как только это позволят технические возможности линий связи». Однако этот приказ должен был вступить в силу только при выходе специального декрета. 20 апреля, в свой пятьдесят шестой день рождения, фюрер решил, что если рейх будет расколот, он направится в южный район. Дёницу поручалось заняться «немедленно подготовкой к максимально полному использованию всех возможных людских и материальных ресурсов» в его районе, и ему предоставлялись полномочия на издание приказов, необходимых для этой цели, – всем органам власти государства, партии и вермахта».

Оперативный эшелон штаба «Юг», собранный из ОКБ (Oberkommando der Wehrmacht – Верховное главнокомандование вооруженных сил) и ОКХ (Oberkommando des Heeres – Главное командование сухопутных сил) под руководством генерал-лейтенанта Августа Винтера из штаба оперативного руководства ОКВ, уже выехал в Берхтесгаден, а 21 апреля Дёниц покинул Гитлера и направился на свой новый командный пост в Плёне (к юго-востоку от Киля). В Берлине осталась только небольшая группа ОКВ штаба «Север», которая должна была временно сохранять за собой общее командование. Фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль оба хорошо понимали, что осуществление командования вооруженными силами из бункера скоро станет невозможным, но Гитлер был настроен на личное руководство обороной Берлина, а если все кончится крахом, застрелиться; ни протесты Кейтеля и Йодля, ни телефонные звонки от Гимmlера и Дёница не смогли заставить его изменить свое решение. Фюрер заявил Йодлю, что принял такое решение, которое считал самым важным решением в своей жизни, еще в ноябре 1944 г. Гитлер сказал, что ему никогда не следовало покидать Восточную Пруссию. Он все еще верил, что его присутствие в Берлине воодушевит войска на новые усилия в обороне города.

Во время своего нервного расстройства 22 апреля Гитлер сделал замечание, которому было суждено иметь далекоидущие последствия. Он заявил, что он физически уже не в состоянии сражаться. Риск пленения врагом, будучи раненым, был для него слишком велик. Более того, Гитлер считал, что не подходит для того, чтобы вести переговоры с союзниками. Для этого был более удобен Геринг. Тот факт, что он упомянул Геринга в контексте переговоров, доказывает презрение, которое Гитлер испытывал к главнокомандующему люфтваффе, поскольку в его глазах только «трус» способен капитулировать. (Здесь автор преувеличивает. Ас люфтваффе Геринг трусом не был (как и фронтовик-окопник Гитлер). В данном случае Гитлер думал о судьбе своей страны. Так же в свое время в конце Крымской войны поступил русский император Николай I (уйдя из жизни и позволив России, сохранив лицо, завершить проигранную войну). – *Ред.*) Уже несколько лет звезда Геринга находилась в закате. Его хвастовство, расточительный и распутный образ жизни, но еще больше провалы его люфтваффе все более дискредитировали рейхсмаршала в глазах фюрера. В Нюрнберге Геринг признался, что его действительное влияние на Гитлера длилось до конца 1941 или начала 1942 г. и что оно резко упало в 1943 г. (после провала операции по снабжению армии Паулюса под Ста-

линградом. – *Ред.*). С этого времени Гитлер часто критиковал рейхсмаршала, их долгие частные беседы случались все реже и реже и в конце концов совсем прекратились. Геринга уже не приглашали на важные совещания. Когда они расставались 21 апреля при отбытии Геринга в Берхтесгаден, атмосфера была ледяной.

Депрессия Гитлера была недолгой. В тот же день он обсуждал с Кейтелем шансы на деблокаду Берлина. Кейтелю было приказано «развернуть Западный фронт, чтобы предотвратить полное окружение Берлина и лично возглавить контрнаступление». 12-я армия генерала Венка должна была оставить позиции на Западе, пробиться к Берлину и соединиться с 9-й армией к югу от города. Начальник штаба ОКВ с 1938 г., Кейтель, не имевший непосредственного руководства сухопутными войсками в течение всей войны, предложил доставить этот приказ генералу Венку лично. Генерал Кребс, в конце марта сменивший Гудериана на посту начальника Генерального штаба сухопутных войск и отвечавший за Восточный фронт, оставался единственным военным советником при Гитлере. Йодль, настойчиво отговаривавший фюрера оставаться в берлинской «мышеловке», перебрался в Крампниц, чтобы собрать оперативный персонал штаба «Север».

23 апреля Гитлер, полный оптимизма, считал, что в течение дня смогут подойти два батальона дивизии «Великая Германия» и, возможно, один-два других батальона. Совершенно в старом остроумном стиле он высказался о свиарнике, угрожающем реке Хафель (Восточная Германия), и сказал, что необходимо следить за тем, чтобы никто из людей Зейдлица (национальный комитет «Свободная Германия», созданный в советском плену) туда не пробрался.

Тем временем через своего начальника штаба Коллера Геринг услышал о высказывании Гитлера о его пригодности для роли переговорщика. Рейхсфюрер наверняка подумал, что фюрер уходит в отставку и перекладывает на него ответственность за то, чтобы положить начало переговорам о капитуляции. Однако, будучи опытным интриганом, Геринг прежде всего обсудил досконально вопрос с главой рейхсканцелярии Ламмерсом, который также находился в южном районе, и только потом отправил Гитлеру тщательно сформулированную телеграмму. Ссылаясь на декрет от 29 июня 1941 г., которым он назначался заместителем Гитлера, Геринг поинтересовался, согласен ли Гитлер на то, чтобы он (Геринг) отныне получал полную свободу действий как внутри, так и вне страны. Если же Геринг не получит ответа к 22:00 23 апреля, он будет считать, что фюрер уже не является лицом, свободно изъявляющим свою волю. Телеграмма заканчивалась словами «Да защитит Вас Господь, а я надеюсь, что Вы все же сможете приехать сюда из Берлина». Где-то после 17:00 Геринг послал еще одно радиосообщение Риббентропу, призывая его прибыть на юг страны самолетом, если он до полуночи ничего не услышит ни о нем, ни о Гитлере. Телеграммы с разъяснениями были также посланы полковнику Белову, представителю люфтваффе в ставке Гитлера, и генерал-полковнику Йодлю для фельдмаршала Кейтеля.

Гитлер был взбешен. Он уже позабыл о своих ремарках, сделанных в минуту возбуждения, или, вероятно, они были предназначены для того, чтобы указать на альтернативу в случае его смерти. Вопрос Геринга ему показался изменой; возможно, ему уже доложили о намерении Геринга лететь на следующий день к Эйзенхауэру и начать переговоры. Борман, этот амбициозный и неразборчивый глава партийной канцелярии, вне всяких сомнений, разжигал эти подозрения. Представляется даже возможным, что Борман припрятал телеграмму Геринга, а Гитлеру показал только ту, что была отправлена Риббентропу.

Герингу было запрещено предпринимать какие-либо действия в предполагаемых направлениях. Шпеер, слетавший в Берлин, чтобы снова отдать себя в распоряжение Гитлера, отправил письмо генералу Галланду, призывая его сделать все, что в его силах, «чтобы помешать Герингу улететь, как он намеревался». В этот момент Шпеер, должно быть, предложил Гитлеру назначить своим преемником Дёница. Дёницу о телеграмме Геринга Борман сообщил в 10:25; спустя двадцать минут он позвонил генерал-полковнику Штумпфу с приказом закрыть

все аэродромы в северной зоне, чтобы не дать возможности никому из министров улететь в южную часть страны в соответствии с приказом Геринга. Геринг был смещен со всех постов, включая пост нацистского «кронпринца» (официального преемника Гитлера. – *Ред.*). На посту главнокомандующего люфтваффе его сменил генерал Риттер фон Грайм (Грейм), которому Гитлер приказал прибыть в Берлин телеграммой от 24 апреля. Борман направил новую телеграмму Герингу, сообщая ему, что его действия есть измена фюреру и национал-социализму, но ввиду его предыдущих заслуг высшая мера наказания не будет применена. Затем он приказал командирам СС в Оберзальцберге арестовать Геринга, Коллера и Ламмерса. Приказ в новой телеграмме от 30 апреля охране СС казнить всех предателей, выявившихся 23 апреля, не был исполнен, поскольку дежурный офицер СС отказался признать власть Бормана.

В течение восьми дней между этим решением от 22 апреля и своим самоубийством Гитлер все еще сомневался и пытался уйти от неизбежного. В ночь с 24 на 25 апреля он определенно пришел в себя после депрессии и отказался признавать сражение за Берлин проигранным. Он сосредоточил все командные функции в своих руках. В ночь с 24 на 25 апреля Йодль подписал приказ, гласивший, что общая оперативная ответственность остается на ОКВ. ОКВ должно было получать указания от самого Гитлера и, кроме того, делать это через генерала Кребса, начальника Генерального штаба сухопутных войск и закадычного друга Бормана. В южной зоне страны штаб «Б» под командованием генерала Винтера должен был издавать боевые приказы для групп армий «Юг» и «Центр» и для командующих войсками «Юго-Запада» и «Запада»; на севере, однако, главнокомандующие в Норвегии, Дании и на «Северо-Западе», 12-й армии, группы армий «Висла», 9-й армии и войск в Восточной Пруссии (на остававшихся там пятачках, где закрепились разбитые немцы. – *Ред.*) и Курляндии должны были находиться под прямым командованием ОКВ. Штаб «А» под началом Дёница, таким образом, был все еще недееспособным. Основная задача ОКВ была изложена следующим образом: «атакуя всеми силами и резервами и с наибольшей скоростью, восстановить контакт с Берлином на широком фронте и тем самым довести битву за Берлин до победного конца». Лихорадочный оптимизм Гитлера, последовавший после его депрессии 22 апреля, не был поколеблен даже сообщениями о первом контакте между советскими и американскими войсками. Говорили, что между союзниками были некоторые различия во мнениях, когда они встретились, и Гитлер увидел в этом «убедительное доказательство отсутствия единства среди наших врагов». Его надежды возросли настолько, что он воскликнул: «В любой день, даже в любой час может разразиться война между большевиками и англосаксонцами за их германскую добычу».

Декларация президента Трумэна по этому случаю звучит так, будто она была специально сделана для того, чтобы ответить на надежды Гитлера и уничтожить их: «Союз наших армий в сердце Германии означает, во-первых, что последняя слабая отчаянная надежда Гитлера и его бандитского правительства погашена. Единый фронт и единое дело держав, объединившихся в этой войне против тирании и бесчеловечности, были продемонстрированы на деле, как они это уже давно демонстрируют в своем устремлении к победе».

И теперь Гитлер предпринял свою последнюю попытку спасти Берлин и себя самого. Он приказал Дёницу прекратить все морские операции и перебросить все части кригсмарине в Берлин по воздуху для укрепления фронта.

Гитлер не скупился в выражениях благодарности воинам, кригсмарине Дёница. Это – самые храбрые из тех, что есть у адмирала, говорил фюрер.

26 апреля генерал Гельмут Вейдлинг, командовавший 56-м танковым корпусом, которого Гитлер назначил комендантом берлинского района обороны, все еще говорил о «дне надежды». Телеграмма Дёницу в тот же день от Фосса, представителя кригсмарине в ставке Гитлера, тоже рисовала полную надежд картину ситуации. Фосс сообщил об успехах (весьма скромных и преувеличенных. – *Ред.*) 12-й армии Венка на юго-западе и 9-й армии Буссе на юго-востоке, а также армейской группы Штайнера на севере. В окруженном городе, однако, ситуация ухуд-

шилась – правительственный квартал под непрерывным сильным артиллерийским обстрелом и градом бомб. По мнению Фосса, необходимо оказать всю возможную помощь извне, поскольку следующие 48 часов станут решающими.

После яростной артиллерийской подготовки и при мощнейшей воздушной поддержке русские снова перешли в наступление в 5 часов утра 27 апреля. Аэродромы Гатов и Темпельхоф перешли в руки противника, отчего дальнейшее снабжение по воздуху стало невозможным. Во время второго совещания в этот день в бункере фюрера генерал Кребс доложил, что сказал Йодлю, что у них в распоряжении остается не более 24–26 часов, чтобы добиться соединения с армиями Венка и Буссе. В противном случае необходимо считаться с возможностью быстрого прорыва обороны немцев со всех направлений.

Пока начальник штаба излагал эти мрачные новости, доктор Вернер Науманн, постоянный секретарь министерства пропаганды, прибыл с информацией о том, что, согласно сообщениям радио Стокгольма, рейхсфюрер СС начал переговоры с западными союзниками. Эта новость, должно быть, поразила Гитлера еще сильнее, чем «предательство Геринга». Отношения с «верным Генрихом» действительно в последнее время охладели. Борман и Кальтенбруннер, самые крупные из соперников Гимmlера, не упустили возможности разжечь тлевшие в Гитлере подозрения. Неудача Гимmlера в ранге командующего войсками (некоторое время на Западном, затем на Восточном фронте. – *Ред.*) также снизила его влияние на Гитлера. Тем не менее Гитлер, видимо, хотел прояснить ситуацию с этими слухами перед тем, как принимать меры. Последним верным слугой фюрера, который у него оставался, был адмирал Дёниц, а поэтому его спросили, известно ли что-нибудь в его районе об этом сообщении. 28 апреля разговор с Берлином был невозможен между 5:00 и 16:30, поэтому ответ на этот вопрос был отложен до 16:50. Дёниц сообщил: «Здесь ничего не известно. Выясню и, если необходимо, дам опровержение».

Тем временем в Берлине трагедия близилась к своему апогею и к концу. В течение дня было прорвано внутреннее кольцо обороны города. Радиосообщение, посланное в «Фюрерброй», Мюнхен, Борманом в 22:00, свидетельствует о сгущающейся мрачной атмосфере в окружении Гитлера и их растущих подозрениях в отношении военных руководителей: «Вместо того чтобы обрушиться на войска-освободители приказами и призывами, руководящие штабы хранят молчание. Кажется, верность уступает место предательству. Мы остаемся здесь. Рейхсканцелярия уже в руинах».

Для вечернего совещания у Гитлера генерал Вейдлинг собрал все мыслимые доказательства – включая письмо от профессора Зауэрбруха, описывающего ужасную судьбу раненых, – чтобы доказать фюреру безнадежность продолжения борьбы. Он приказал своим командирам секторов подтянуться к рейхсканцелярии в 22:30, поскольку рассчитывал на новые важные указания. Вейдлинг наглядно описал безнадежность ситуации – прорыв за прорывом русских войск, потеря складов боеприпасов, продовольствия и медикаментов, прекращение снабжения по воздуху. В качестве последней меры он предлагал прорыв из «берлинского мешка». Предложение было поддержано генералом Кребсом, но подверглось яростной критике со стороны Геббельса. После продолжительных раздумий Гитлер признал, что ситуация безнадежна. Даже если прорыв удастся, сказал он, они просто попадут из одного кольца окружения в другое. И может случиться так, что ему придется ожидать конца либо в открытом поле, либо на какой-нибудь ферме. Поэтому Гитлер решил, что останется в рейхсканцелярии.

То, что это решение Гитлера было продиктовано эгоизмом, показывает замечание, которое он сделал во время совещания 25 апреля: «Если судьба решит иначе, тогда я исчезну со сцены мировой истории, как бесславный беглец» – и он дважды повторил слова «бесславный беглец». Еще одной причиной он назвал необходимость дать пример «всем тем, кого я осуждаю за их бегство». Если бы фюрер смог выиграть эту битву, он смог бы «уничтожить ряд генералов и других командующих, которые подвели в решающий момент».

Итак, Гитлер остался в Берлине, чтобы «разбить мощь великого азиатского хана».

В пять минут после полуночи 28 апреля адмирал Фосс телеграфировал из ставки фюрера: «Мы будем держаться до конца». Примерно в это же время Гитлер посетил фельдмаршала Грайма, лежавшего раненым в своей комнате и бывшего все еще не в состоянии улететь из-за нехватки самолетов, и дал ему свои последние наставления. Русские готовятся штурмовать рейхсканцелярию, сказал Гитлер, люфтваффе должны поддержать прорыв Венка к Берлину и атаковать русские позиции. Грайму было поручено также арестовать Гимmlера. В 4:05 утра Борман отправил подробные инструкции Дёницу: «Зарубежная печать сообщает о новых актах предательства. Фюрер рассчитывает, что вы будете обращаться со всеми предателями в Северной зоне с исключительной быстротой и суровостью. Исключений быть не должно. Шернер, Венк и другие должны сейчас доказать свою верность фюреру, сняв осаду как можно скорее».

В 13:35 состоялся последний разговор с военным комендантом Берлина. Затем привязанной аэростат, через который радиотелефонные переговоры транслировались на радиостанцию, был сбит русской артиллерией. После полудня ОКВ переместилось в Доббин в Мекленбурге, на старый командный пост Гимmlера. В 23:00 там получили отрывистое радиосообщение из бункера фюрера, которое звучало как SOS: «Немедленно доложите: 1. Где передовые части Венка? 2. Когда они снова перейдут в наступление? 3. Где 9-я армия? 4. В каком направлении прорывается 9-я армия? 5. Где передовые части Хольсте?» Два часа спустя Кейтель ответил, что передовые части Венка остановлены у озера Швилловзе и что 12-я армия поэтому не может начать наступление в направлении Берлина; 9-я армия окружена, а корпус Хольсте вынужден перейти к обороне. Теперь конец вполне предсказуем; уже не может идти и речи об освобождении Берлина. Но из-за патологической подозрительности Гитлера здесь все еще пахло изменой. Борману было дано указание отправить Дёницу следующую телеграмму:

«Дёниц.

В нас ежедневно укрепляется впечатление, что дивизии на Берлинском театре военных действий уже несколько дней простаивают без дела. Все доклады, которые мы получаем, контролируются, задерживаются или искажаются Кейтелем. В целом мы можем общаться только через Кейтеля. Фюрер приказывает вам немедленно и беспощадно разобраться со всеми предателями. (Далее следует приписка:) Фюрер жив и ведет оборону Берлина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.